

Смертная казнь в России

В редакцию газеты «Rappel».

Михаил Бакунин

Написано 7 февраля, опубликовано 15 февраля 1870

*7 февраля 1870, Локарно, Швейцария.
«Le Rappel» («Напоминание»), 15 февраля 1870, Париж.*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ

В редакцию газеты Rappel.

Уважаемые господа!

В номере вашей уважаемой газеты от 29 января я нашел весьма забавное письмо моего соотечественника, князя Вяземского, которому «было так больно констатировать невежество господина Жюля Симона» и других подписавших законопроект об отмене смертной казни, и который в конце концов заявляет вам, что смертной казни в России больше не существует, поскольку она была отменена императрицей Екатериной II.

Эта новость, по-видимому, привела вас в ужас. Испугавшись очевидного ущерба, который это нанесет вашей стране, вы сначала искали утешение в мысли, что «если в России нет смертной казни, за то есть Сибирь и кнут». Затем, размышляя о «порке», которая процветает в Кайенне, вы с отчаянием воскликнули:

«Увы! Неужели имперская Франция дошла до того, что ей приходится завидовать России!» (Имперской России, по-моему, следовало бы добавить).

Успокойтесь, господа, и прогоните краску, которая грозит залить ваши лица. Несмотря на бесспорные успехи, достигнутые у вас с июня 1848 года в искусстве кровавых репрессий и подавления, вы не дотягиваете до нашего уровня, и мы продолжаем доминировать над вами благодаря величественному и бессловесному пренебрежению достоинством, правами и жизнью людей. И поскольку вас огорчает сама мысль о том, что смертная казнь была отменена в России, в то время как во Франции она по-прежнему применяется, я спешу вас успокоить, заверив, что не только простая смертная казнь, но и разнообразная, сложные, изысканные и предшествующие пытки, никогда не переставала вызывать у нас уважение к власти и любовь к общественному порядку¹. В этом отношении, как и во многих других, мы превосходим все страны Европы, не исключая Турцию.

У нас, господа, вешают;

Расстреливают,

Убивают под кнутом; – теперь уже не говорят «кнут», а «плеть», это мягче;

Убивают под палками военного суда,

Или под простой палкой;

Удушают и травят тайно в тюрьмах;

А когда это необходимо, перед окончательной казнью проводят обычные и чрезвычайные допросы; применяют традиционные пытки, усовершенствованные и доведенные до совершенства благодаря применению всех достижений современной науки.

Только Китай превосходит нас в искусстве, в высшей степени политическом, мучить и уничтожать людей.

Тогда, спросите вы, князь Вяземский сказал... прямо противоположное истине?

Увы! Мне очень жаль князя, но я должен признаться, что он ввел вас в заблуждение. Однако подождите, у него есть оправдание. Совершенно верно, что смертная казнь, как и пытки, были законодательно отменены в России еще до Екатерины II императрицей Елизаветой, матерью несчастного Петра III, которого его жена

¹ que non seulement la peine de mort simple, mais variée, compliquée, raffinée, et précédée de tortures, n'a jamais cessé de provoquer chez nous le respect de l'autorité et l'amour de l'ordre public.

Екатерина убила с помощью своих гвардейцев. Став великой императрицей таким образом, Екатерина II, желая заслужить аплодисменты цивилизованной Европы, собственноручно написала своего рода введение в русские законы, известное под названием указ *Екатерины II* и основанное на идеях Беккариа и Монтескье, которые были тогда в моде. Будучи написанным непосредственно от руки правителя, это введение должно было иметь силу закона и служить основой для всего последующего законодательства. В нем вы найдете отмену смертной казни, отмену пыток, а также великолепную максиму: «Лучше упустить десять виновных, чем наказать одного невиновного».

Значит, князь Вяземский прав? Вовсе нет. Он не прав даже с юридической точки зрения. Князь Вяземский, который говорит с такой уверенностью и с таким презрением к невежеству господина Жюль Симона, не должен забывать, что император Николай, чья законодательная власть была столь же неограниченной и законной, как и у Екатерины II, восстановил смертную казнь в наших кодексах. И что наиболее характерно, он восстановил ее именно для политических преступлений. Таким образом, господин Жюль Симон был прав тысячу раз, и грех невежества, усугубленный высокомерием, ложится на русского князя.

Это что касается законного права. Но существует ли законное право в России? На бумаге – да, но в реальности – нет. И это еще одна вещь, которую князь Вяземский не должен и не может игнорировать. В трех ставших знаменитыми стихах наш поэт Пушкин около сорока лет назад выразил самую суть того, что эти господа так помпезно называют русскими законами:

В России нет закона!
В России столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона.

Но это могло быть правдой во времена Пушкина, при деспотическом правлении императора Николая; но сегодня, при благотворном и освободительном правлении царя Александра II, *самого либерального человека, без сомнения, во всей России*, как уверяет *Presse* (№ от 25 января), сегодня это не может быть так.

Это не переставало быть правдой ни на один день, с момента основания москальской империи до того момента, когда я пишу вам это письмо, господа. Сегодня это верно как никогда, и это перестанет быть правдой только в тот день, когда народная революция сметет все Государственное учреждение.

В императорской России всегда была только одна постоянная и верховная истина: это ложь, это официальное лицемерие, лицемерие, которое всегда принимало форму, наиболее соответствующую господствующим в современной Европе идеям. Искали первобытного человека, человека-обезьяну. Почему же не искали его при дворе в Санкт-Петербурге? Там таких образцов полно.

Наши законы, все наши официально провозглашенные гуманные принципы, наши так называемые права — все это не более чем вечный маскарад, под которой скрывается официальная, но животная реальность. Этот маскарад никого не обманыв-

вает и даже не пытается обмануть кого-либо в России, но он очень помогает мирным победам имперской дипломатии в Европе.

Знаете ли вы, господа, значение глагола «*enguirlander*»², созданного в Санкт-Петербурге? Уверен, что нет. Позвольте мне объяснить вам его значение.

В Санкт-Петербург прибывает важный иностранный гость. Он хочет изучить Россию. Но вы понимаете, что, если он будет присматриваться слишком внимательно, то может обнаружить вещи, которые, безусловно, не принесут большой чести императорскому правительству. Чтобы избежать этой опасности, двор дает знак. Этот знак является приказом, мгновенно понятным этой титулованной швалью, которая называется русской аристократией. Князья, графы, немецкие бароны, – а их множество среди наших официальных патриотов, – министры, генералы, высокопоставленные чиновники всех мастей, капиталисты и монополисты всех видов, их жены, дочери и сестры, – все это окружает иностранца, утомляет его приглашениями, улыбается ему, душит ласками, выставляя напоказ свои чувства, и погружает его по уши в имперскую ложь.

Это называется «*enguirlander*».

Что ж, господа, князь Вяземский захотел вас *enguirlander*.

Если вы согласитесь опубликовать это письмо в своей газете, и если недовольный русский князь вернется к этому вопросу, я надеюсь, что вы позволите мне ответить ему. – В интересах революционной России, чтобы социалистические демократы Европы знали ее такой, какая она есть.

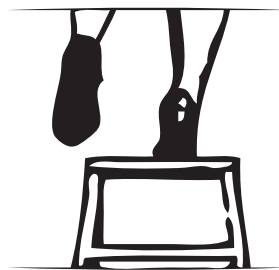
Примите, господа, выражение моей искренней симпатии,

М. Бакунин

Женева, 7 февраля 1870.

² Приукрашивать, возможно – одурачивать, буквально «украшать гирляндами».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Смертная казнь в России
В редакцию газеты «Rappel».
Написано 7 февраля, опубликовано 15 февраля 1870

IISG

ru.anarchistlibraries.net